“ADOLAT”
MILLIY HUQUQIY AXBOROT MARKAZI
Guvohnoma № 636478
Litsenziya C-5669732

“HUQUQ va BURCH+” —
«ПРАВО и ДОЛГ+» —
"RIGHT and DUTY+"
Journal home page:
https://adolatmarkazi.uz/magazine/electron?id=377

2026-yil
7-son
iyul
ISSN 3093-8546

Процедурные гарантии правового эксперимента: институциональное устройство Закона Республики Узбекистан «О правовом эксперименте» в сравнительной перспективе

Одил Набиев,
Магистр направления государственного управления университета Бирмингема
e-mail: onabiev07@gmail.com

Аннотация. Maqolada Oʻzbekiston Respublikasining 2026-yil 27-martda qabul qilingan “Huquqiy eksperiment toʻgʻrisida”gi qonunining institutsional va protseduraviy mexanizmlari qiyosiy-huquqiy nuqtayi nazardan tahlil qilingan. Tadqiqotda huquqiy eksperimentning muddat bilan cheklanganligi, ochiq reyestr yuritilishi, jamoatchilik ishtirokini ta'minlash, monitoring, eksperimentni toʻxtatib turish, sud nazorati va subsidiarlik tamoyili kabi protseduraviy kafolatlar koʻrib chiqilgan. Oʻzbekiston modeli Buyuk Britaniyaning FCA regulyator sandboksi, Rossiya Federatsiyasining eksperimental huquqiy rejimlar toʻgʻrisidagi qonunchiligi hamda Yevropa ittifoqining sun'iy intellekt boʻyicha reglamenti bilan taqqoslangan. Tahlil natijalari milliy qonunchilikda ochiqlik va jamoatchilik ishtirokini ta'minlash boʻyicha kuchli mexanizmlar mavjudligini koʻrsatadi. Shu bilan birga, eksperimentni toʻxtatib turish vakolatining uni boshlagan organ qoʻlida jamlanganligi hamda oraliq hisobotlar tizimining mavjud emasligi institutsional kamchilik sifatida baholangan.

Калит сўзлар. huquqiy eksperiment, protseduraviy kafolatlar, regulyator sandboksi, ochiq reestr, jamoatchilik ishtiroki, monitoring, sud nazorati, subsidiarlik, huquqiy siyosat, qiyosiy-huquqiy tahlil

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ институционального устройства и процедурных механизмов Закона Республики Узбекистан «О правовом эксперименте» от 27 марта 2026 года. Рассматриваются такие процедурные гарантии, как срочность эксперимента, ведение публичного реестра, участие общественности, мониторинг, приостановление эксперимента, судебный контроль и принцип субсидиарности. Узбекская модель сопоставляется с регуляторной песочницей Управления по финансовому регулированию и надзору Великобритании (FCA), российским законодательством об экспериментальных правовых режимах и Регламентом Европейского союза об искусственном интеллекте. Результаты исследования свидетельствуют о наличии в национальном законодательстве развитых механизмов прозрачности и общественного участия. Вместе с тем выявлены отдельные институциональные недостатки, связанные с

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

концентрацией полномочий по приостановлению эксперимента у органа-инициатора и отсутствием обязательной промежуточной отчётности.

Ключевые слова. правовой эксперимент, процедурные гарантии, регуляторная песочница, публичный реестр, участие общественности, мониторинг, судебный контроль, субсидиарность, правовая политика, сравнительно-правовой анализ

Annotation. This article provides a comparative legal analysis of the institutional framework and procedural safeguards established by the Law of the Republic of Uzbekistan “On Legal Experiment” adopted on 27 March 2026. The study examines such procedural guarantees as temporal limitations, public registers, public participation, monitoring, suspension mechanisms, judicial review, and the principle of subsidiarity. The Uzbek model is compared with the United Kingdom Financial Conduct Authority (FCA) regulatory sandbox, the Russian legislation on experimental legal regimes, and the European Union Artificial Intelligence Act. The findings demonstrate that the Uzbek legislation contains advanced mechanisms ensuring transparency and public participation. At the same time, the research identifies certain institutional weaknesses, including the concentration of suspension powers in the initiating authority and the absence of mandatory interim reporting during the experiment.

Keywords. legal experiment, procedural safeguards, regulatory sandbox, public register, public participation, monitoring, judicial review, subsidiarity, legal policy, comparative legal analysis

Введение

Институт правового эксперимента, закреплённый Законом Республики Узбекистан от 27 марта 2026 года № ЗРУ-1127 «О правовом эксперименте» [1], представляет собой механизм апробации новых правовых решений, позволяющий найти баланс между риском преждевременного вмешательства государства и запоздалым реагированием на возникающие общественные отношения. Его сущность заключается во временном применении правовых норм на ограниченной территории либо в отношении определённой категории лиц с последующей оценкой достигнутых результатов. Содержательные пределы допустимости правового эксперимента, закреплённые в статье 2 Закона [1], уже были предметом самостоятельного научного анализа. В настоящем исследовании внимание сосредоточено на иной стороне правового регулирования – процедурных механизмах, обеспечивающих проведение эксперимента независимо от его предмета. К ним относятся ограниченность эксперимента по сроку, ведение публичного реестра, участие общественности, мониторинг, возможность приостановления эксперимента и

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

судебный контроль.

Актуальность исследования процедурных аспектов правового эксперимента обусловлена тем, что мировой опыт применения регуляторных песочниц, функционирующих более чем в семидесяти юрисдикциях с момента запуска первой песочницы Управлением по финансовому регулированию и надзору Великобритании (FCA) в 2015 году, за прошедшее десятилетие выявил ряд устойчивых институциональных проблем. К ним относятся риск регуляторного захвата, недостаточность эмпирических данных, подтверждающих общественную пользу таких механизмов, а также тенденция к превращению временных исключений из общего правового режима в постоянные. Все перечисленные проблемы имеют преимущественно процедурный характер. Они возникают не потому, что предмет правового эксперимента сам по себе является недопустимым, а вследствие недостатков институционального механизма, который не обеспечивает соблюдение временных и содержательных границ эксперимента. Примечательно, что даже в научной литературе, рассматривающей экспериментальное регулирование как самостоятельный инструмент правовой политики, основное внимание уделяется вопросам о том, в каких случаях и в какой форме государству следует прибегать к экспериментальным правовым режимам, например посредством пилотных проектов или отложенного вступления нормативных актов в силу. При этом значительно меньше внимания уделяется институциональным гарантиям, которые должны обеспечивать законность и надлежащее проведение уже начатого правового эксперимента [6].

Целью настоящего исследования является сравнительный анализ процедурной архитектуры Закона Республики Узбекистан «О правовом эксперименте» [1] и зарубежных моделей правового экспериментирования с целью выявления сильных сторон и структурных уязвимостей узбекской модели.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составил сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить процедурные элементы Закона Республики Узбекистан с зарубежными моделями правового экспериментирования. Формально-юридический метод использовался для анализа положений Закона и определения содержания отдельных процедурных требований. Системно-структурный метод позволил оценить взаимосвязь таких процедурных гарантий, как срочность, ведение реестра, мониторинг, приостановление эксперимента, судебный контроль и принцип субсидиарности, в рамках единой институциональной модели. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа и обобщения.

Результаты исследования

Закон закрепляет семь процедурных гарантий, которые в совокупности образуют институциональную архитектуру эксперимента:

1. Срочность. Эксперимент проводится в срок от шести месяцев до трёх лет без права продления сверх этого предела [1]. Жёсткий верхний предел отличает узбекскую модель от песочницы FCA, где продление допускается по решению регулятора [4], и сближает её с российским Законом № 258-ФЗ, также устанавливающим предельный трёхлетний срок [3].

2. Публичный реестр. Единый реестр правовых экспериментов ведётся Министерством юстиции в открытом режиме [1]. В отличие от российского законодательства, не предусматривающего общего требования об открытости реестра экспериментальных правовых режимов [3], такой подход соответствует принципу прозрачности, закреплённому в Регламенте ЕС об искусственном интеллекте применительно к регуляторным песочницам [2].

3. Участие общественности. Общественное обсуждение проекта эксперимента и участие институтов гражданского общества обязательны на стадии запуска [1]. Ни песочница FCA [4], ни российский закон [3] не содержат сопоставимого требования на этой стадии; оно сближает узбекскую модель с принципами Регламента ЕС об искусственном интеллекте, где участие заинтересованных сторон предусмотрено на уровне национального плана внедрения песочниц [2].

4. Мониторинг. Наблюдение включает анализ обращений граждан и судебной практики за период эксперимента, то есть совмещает административный и судебный источники информации о результатах [1].

5. Приостановление. Эксперимент приостанавливается, если возникшие риски невозможно снизить. Полномочие принадлежит органу, установившему эксперимент [1].

6. Судебный контроль. Заинтересованные лица вправе обратиться непосредственно в суд, минуя административную процедуру обжалования [1], что согласуется с конституционной гарантией судебной защиты прав и свобод [7].

7. Субсидиарность. Эксперимент допускается лишь тогда, когда последствия акта невозможно установить иными методами нормотворчества [1], что ограничивает обращение к этому инструменту случаями подлинной неопределённости.

Обсуждение исследования

Проведённое сопоставление показывает, что по ряду процедурных параметров Закон Республики Узбекистан [1] не уступает зарубежным аналогам, а по отдельным элементам отличается более высоким уровнем нормативной проработки. В частности, сочетание жёсткого предельного срока проведения эксперимента, открытого реестра, обязательного общественного обсуждения и прямого доступа к судебной защите не представлено в таком объёме ни в британской [4], ни

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

в российской модели [3].

Структурная уязвимость узбекской модели проявляется в регулировании полномочия по приостановлению правового эксперимента. Согласно Закону, решение о приостановлении принимает тот же орган, который инициировал проведение эксперимента [1]. Такая конструкция создаёт потенциальный институциональный конфликт интересов, поскольку оценка необходимости приостановления зависит от субъекта, заинтересованного в реализации собственного решения. Аналогичная проблема отмечается и в зарубежной литературе при анализе регуляторных песочниц, где она рассматривается как один из факторов, способных снижать эффективность контрольных механизмов [5]. Хотя ни модель FCA, ни Регламент ЕС не исключают полностью риск конфликта интересов, обе предусматривают участие внешнего надзорного субъекта: независимого комитета по надзору за песочницей в модели FCA [4] и национального органа рыночного надзора в Регламенте ЕС [2], который не является инициатором конкретной регуляторной песочницы. Отсутствие аналогичного механизма в Законе Республики Узбекистан [1] означает, что решение о приостановлении эксперимента фактически остаётся в компетенции органа, ответственного за его проведение.

Второе наблюдение касается механизма мониторинга. Закон объединяет обращения граждан и судебную практику в единую систему наблюдения [1], однако не устанавливает обязательной периодичности опубликования промежуточных результатов. Между тем Регламент ЕС предусматривает представление ежегодной отчётности национальному органу рыночного надзора уже в ходе проведения эксперимента, а не только после его завершения [2]. Закрепление аналогичного требования в узбекском законодательстве способствовало бы более своевременному выявлению рисков и принятию решений о приостановлении эксперимента до наступления необратимых последствий.

Заключение

Процедурная архитектура Закона Республики Узбекистан «О правовом эксперименте» [1] в целом соответствует лучшим зарубежным образцам [2–4], а по отдельным параметрам, в частности открытости реестра и обязательности общественного обсуждения, предусматривает более высокий уровень процедурных гарантий. Вместе с тем проведённый анализ выявил отдельные институциональные недостатки действующей модели. Наиболее существенным из них является концентрация полномочия по приостановлению эксперимента у органа, инициировавшего его проведение. Устранение данной особенности не требует пересмотра предмета или содержательных пределов правового эксперимента, однако предполагает совершенствование

процедурных механизмов, в том числе посредством участия независимого субъекта в принятии решения о приостановлении эксперимента и введения обязательной промежуточной отчётности, публикуемой в ходе его проведения. Дальнейшие исследования процедурной эффективности правового эксперимента как инструмента правового регулирования сохраняют практическую значимость для совершенствования нормотворческой деятельности Республики Узбекистан.

Список использованной литературы

[1] Закон Республики Узбекистан «О правовом эксперименте» от 27.03.2026 г. № ЗРУ-1127. // https://lex.uz/uz/docs/8101776

[2] Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13.06.2024 г., устанавливающий гармонизированные правила в сфере искусственного интеллекта (ст. 57–61, регуляторные песочницы для ИИ и тестирование в реальных условиях). // Official Journal of the European Union.

[3] Федеральный закон Российской Федерации «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ. // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Financial Conduct Authority. Regulatory sandbox lessons learned report. — London: FCA, 2017.

[5] Allen H.J. Regulatory Sandboxes: One Decade On // Georgetown Journal of International Law. 2025. Vol. 56.

[6] Ranchordás S. Innovation Experimentalism in the Age of the Sharing Economy // Lewis & Clark Law Review. 2015. Vol. 19, No. 4.

[7] Конституция Республики Узбекистан (в редакции Конституционного закона РУз от 01.05.2023 г. № ЗРУ-837). // Lex.uz.